

КРАЕВЕДЕНИЕ

«Мир и клир»: ростовское духовенство на Ростовской ярмарке

А. Е. Виденева, Н. В. Грудцына

Рассматривается вопрос о взаимоотношениях духовенства и светского мира в конкретной исторической ситуации – в ходе проведения в XIX веке ежегодной ярмарки в Ростове Великом.

Ключевые слова: Ростов Великий, церковно-административный центр, духовенство, богомольцы, ярмарка, купечество, торговцы.

“The World and Clergy”: Rostov Clergy at Rostov Fair

A. E. Videneva, N. V. Grudtsyna

The question on mutual relations of clergy and the secular world in a concrete historical situation – is considered during carrying out an annual fair in the XIX-th century in the city of Rostov the Great.

Key words: Rostov the Great, a church-administrative centre, clergy, pilgrims, fair, merchant class, dealers.

Мир и клир – проблема их взаимоотношений волновала и волнует исследователей и религиозных, и светских. Большая часть трудов, посвященных этой теме, носит философский характер. Настоящая работа – попытка проследить взаимоотношения духовенства и светского мира на конкретных исторических фактах, на частном примере.

На философском уровне мир и клир интерпретируются в широком смысле: клир – как христианство, как религия в целом; мир – как светская жизнь, как культура. Мы же, противопоставляя понятия «мир» и «клир», рассматриваем их в более узком смысле, подразумевая разделение людей на духовенство и мирян.

Русское православное духовенство – особое сословие, живущее по определенным канонам и устоям, обладающее собственным нравственным кодексом, довольно замкнутое, имеющее разветвленную внутреннюю структуру и, вместе с тем, строго иерархичное. Будучи объединено непосредственной принадлежностью к церкви, к церковному служению и церковному образу жизни, духовенство, в то же время, отделено от мирян – людей, живущих в миру и не связанных с церковью обетами или обязательствами.

Пытаясь рассмотреть взаимодействие и взаимовлияние «клира» и «мира», мы поставили задачу рассмотреть один из аспектов их явного соприкосновения – связи Ростовской ярмарки и духовенства Ярославской епархии.

Ростов по праву можно отнести к числу знаменитых русских городов с богатой историей и самобытными традициями. Это древнейший город северо-востока России, первый политиче-

ский центр Великороссии, на протяжении восьми столетий столица одной из самых крупных и древних епархий России – Ростово-Ярославской. Ростову снискали славу и двадцать православных святых, и уникальные колокола звонницы Успенского собора, и неувядающий промысел живописной эмали, больше известный во всем мире под названием Ростовской финифти. Некогда Ростов был знаменит и своей ярмаркой.

Ростовский «клир», действительно, имеет глубокие исторические традиции. К X в. относится учреждение Ростовской епархии – становление города в качестве церковно-административного центра. Отметим, что еще в XVI в. в ее состав, наряду с прочими, входили и Вологодские, и Белозерские земли. Епархиальным центром Ростов оставался восемь столетий, вплоть до конца XVIII в. В это время в городе существовали 7 монастырей и 25 приходских храмов [1]. Для небольшого провинциального города с численностью населения около 5–6 тысяч плотность духовного сословия в социальной среде была достаточно значительной, а вклад духовенства в городскую жизнь – весьма весомым.

Итак, церковная составляющая ростовской истории имеет под собой прочное основание и глубокие корни, а духовенство, многочисленное и представительное, в жизни города всегда играло заметную роль.

Определившись с «клиром», обратимся к «миру». Ростовская ярмарка, особенно если говорить о периоде ее расцвета, а он приходится на первую четверть XIX в., не только коренным образом влияла на жизнь Ростова, но и в целом представляла собой значительное явление в

масштабах всей страны. В «Энциклопедическом словаре» Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона по поводу ярмарок в центральной России говорится: «Главнейшей является Новгородская (Макарьевская) ярмарка с оборотом по привозу и продаже товаров до 200 млн рублей. За ней стоит Ростовская (в Ярославской губернии)» [2]. Об этом же свидетельствует ещё один факт. 12 декабря 1828 г. в связи с возобновлением издания «Журнала Министерства внутренних дел» к ярославскому губернатору обратился его редактор с просьбой доставить сведения о Ростовской ярмарке, «яко знаменитой в империи» [3]. Для самого Ростова ярмарка в течение почти ста лет являлась градообразующим предприятием. В XVIII–XIX вв. ярмарочные доходы – основной источник денежных средств города и его жителей. На деньги, заработанные на ярмарке, ростовские купцы богатели, простые ростовцы жили в течение целого года и выплачивали налоги, власти содержали городское хозяйство.

В конце XIX в. ростовский купец Иван Хранилов так оценивал торговый потенциал города и значение большой Ростовской ярмарки: «Богатая торговля производится и в самом Ростове, в котором каждодневно открыто до 200 лавок с разными товарами, особенно в три базарные дня в неделю, на кои съезжается народ из уезда, как для продажи сельских произведений, так и для закупок. Обширное также поприще ростовской торговой деятельности представляют 9 базаров и четыре ярмарки в уезде. Известной Ростовской ярмарке, продолжающейся более двух недель, Ростов обязан почетнейшим значением в целой системе торговых городов Российской империи, обеспечением содержания бедных жителей и цветущим состоянием городских доходов» [4].

В нашем случае Ростовскую ярмарку можно рассматривать как некое средоточие «мира», то есть единовременное скопление в городе огромного числа людей и их активное взаимодействие – бойкая торговля, общение и сопутствующие им развлечения. Со всей определенностью можно утверждать, что жизнь во время ярмарки буквально кипела и была ключом.

Между тем, русские ярмарки, светское, по сути, явление, возникали по вполне церковным причинам. Как правило, они изначально были приурочены к тому или иному православному празднику и располагались либо у стен монастырей, либо в центрах епархий. «Сборища богомольцев, привлекая собою и стечение торговцев, дали начало ярмаркам, из коих некоторые, благоприятствуемые своим местоположением и други-

ми условиями, стали во главе этих торговых движений и сделались центральными» [5].

Наша Ростовская ярмарка – яркое тому подтверждение. Она была приурочена к празднику Торжества Православия, учрежденному в IX в. в Византии в честь окончательной победы над иконоборцами, который отмечался в первое воскресенье Великого Поста, когда провозглашались «вечная память ревнителям православия и анафема еретикам» [6].

В России всплеск иконоборчества приходится на XIV–XV вв., соответственно, праздник Торжества Православия получает распространение в нашей стране, вероятно, с этого времени. Назывался он «Сбором» или «Сборным воскресеньем», поскольку в центры епархий, в кафедральные соборы, где проводился обряд и молебен Торжества Православия, собиралось все епархиальное духовенство, то есть происходил собор во главе с архиереем. Кроме духовенства, в Сборное воскресенье в Ростов съезжалось большое количество богомольцев, представителей всех сословий.

Одна из Записок о Ростовской ярмарке начала XIX в. по этому поводу отмечает: «Во время существования Ростовской епархии для отправления церковного обряда Православия в первое воскресенье Великого поста по распоряжению тогдашних ростовских архиереев (имена неизвестны) со всей епархии имело съезд в Ростове всё почётнейшее духовенство, а вместе с оными по побуждению благочестия на праздник сей и стечение народное противу обыкновенного было гораздо значительнее. Недавно ещё были старцы, кои помнили бывшее при архиепископе Арсении великолепие при отправлении церковного служения не только в день сего праздника, но и даже в храмовые праздники Ростовского собора, как то: Успения Божьей Матери, угодников Божьих Леонтия, Исаяи и Игнатия, на дни коих съезжалось со всей епархии Ростовской, которая заключала в себе городов гораздо больше, чем ныне, не только почетнейшее духовенство, но из многих городов приезжали граждане в виде депутатов». Более того, вероятно, именно к празднику Торжества Православия, в Ростовской епархии был приурочен сбор налогов с архиерейских и монастырских крестьян [7]. Таким образом, Ростов как епархиальный центр в дни этого праздника становился особенно многолюдным, его население увеличивалось в десятки раз. К примеру, в 1838 г. на ярмарку съехалось более 60 тыс. человек [8].

В связи с этим хочется вспомнить об одном немаловажном событии, оставившем существен-

ный след как в истории православия, так и в истории нашего отечества. В 1763 г., в самый разгар екатерининской монастырской реформы, ростовский митрополит Арсений Мацеевич открыто заявил о своем неприятии правительственного курса, направленного на секуляризацию церковных земель. В праздник Торжества Православия в кафедральном Успенском соборе ростовский владыка предал анафеме всех, кто посягает на церковные имения [9]. Произошло это именно в ярмарочные дни, собиравшие в городе огромное количество людей.

Закономерно, что во время ярмарки в ростовских монастырях и храмах умножалось число богомольцев. По традиции начало торгового предварялось посещением святых мест – прославленных монастырей и кафедрального собора, служением молебнов и выполнением различных обрядов. Тому есть множество разнообразных свидетельств, одно из самых красноречивых встречаем на страницах дневника ярославца Сергея Дмитриева, участника Ростовской ярмарки начала XX в. «Утром вставали все в 6 часов и шли в собор, где пели молебны епископам, ростовским святым Леонтию, Исае и Игнатию. Оттуда ехали на двух нанятых накануне извозчиках в Яковлевский монастырь, служили молебны святым Иакову и Дмитрию. Затем заезжали в приходскую церковь, не помню, блаженного или власатого Иоанна, дальше в Богоявленский монастырь, где пели молебен преподобному Авраамии, надевали его вериги-цепи, его скуфью на голову и брали круглый камень в руки, который он, Авраамий, по преданию, носил с собой для «утомления», или, как говорили монахи, «для умерщвления плоти». Брали также и два чугунных кувшина, скованных цепью и надевавшихся через плечо. С этими кувшинами Авраамий ходил с водой на озеро. Воды в оба кувшина вмещалось самое большее два стакана, а носить их было мне, например, тяжело. Надев все «доспехи» Авраамия, мы ходили по очереди кругом часовни, в которой он жил и молился. После молебна отправлялись в Петровский монастырь. Расположен он был за городом... Здесь были мощи Петра, царевича Ордынского, сына какого-то татарского мурзы, принявшего христианство. Тоже служили молебен. После всех молитвенных подвигов отправлялись уже домой, пили чай, завтракали и шли начинать торговать» [10].

Действительно, традиционное богомолье, предварявшее торговлю, было неотъемлемым ритуалом Ростовской ярмарки. Это, в частности, подтверждает настоятель Успенского собора протоиерей Андрей Тихвинский, который 24 февраля

1821 г. записал в своем дневнике: «Стечение народа было уже довольно замечательно. В соборе молебнов было более после заутрени, меньше после вечерни» [11].

Порой в ярмарочные дни в собор устремлялось такое множество людей, которое этот огромный храм даже не мог вместить. Судя по соборной книге «исторических достопамятностей», подобное произошло здесь в первые дни марта 1881 г., когда в город пришла весть об убийстве царя Александра II. Вот как об этом рассказывал настоятель собора протоиерей Павел Фивейский: «Марта 2-го дня. Неслыханное в русской истории злодеяние! Государь император Александр II Освободитель крестьян и славян, миротворец, давший суд и правду, убит 1 марта среди дня одним из извергов темного нигилистического и социалистического ада посредством разрывного снаряда... За панихидой по мученику государю, совершенной после литургии 2 марта, соборне плачущаго и рыдающаго народа было так много, что собор, по случаю Ростовской ярмарки, и вместить не мог всех, почему и отслужена была еще панихида на открытом воздухе для народа, собравшагося в количестве десятка тысяч на соборном дворе. Вечером того же дня дана была в соборе всем чинам и военным и гражданским, а на соборном дворе всем собравшимся присяга на верноподданство Государю Императору Александру III. Спаси его, Господи, на благоденствие и счастье России на многая лета!» [12].

Еще один весьма показательный факт. Иерусалимский Архимандрит Арсений, собиравший в России подаяние на возобновление Святого Храма Гроба Господня, сгоревшего в 1808 г., прибыл в Ростов в феврале 1817 г. именно «по случаю зборной ярмарки» [13].

Во время ярмарки значительно увеличивалось посещение не только собора, но и всех городских храмов и монастырей, что, в частности, доказывают монастырские приходо-расходные книги – в ярмарочные дни из года в год количество церковных доходов и пожертвованных денег существенно возрастало. Например, прибыль от продажи свеч в Успенском соборе в феврале 1844 г. составила около 725 руб., для сравнения в марте свечей было продано только на 120 руб. Кружечный доход в феврале того же года превысил 200 руб., тогда как в марте он не достигал и 60 руб. [14].

На ярмарку в Ростов съезжались торговцы из разных мест, более всего из Санкт-Петербургской, Московской, Костромской, Казанской, Астраханской, Вологодской, Нижегородской,

Владимирской губерний, приезжало много торговцев из Грузии и Армении. Как видим, именно ярмарка связывала наш город с отдаленными территориями.

К примеру, в конце 1864 г. послушник Спасо-Суморина монастыря г. Тотьмы Павел Юдин, будучи на богомолье в Ростовском Спасо-Яковлевском монастыре, скончался, и был похоронен в нашей обители. Настоятели ростовского и тотемского монастырей, обменявшись уведомлениями, решили, что личные вещи умершего послушника заберет крестьянин Илья Шубарин, собиравшийся на Ростовскую ярмарку, с ним же в Яковлевский монастырь будут переданы деньги, затраченные на погребение [15].

Связь духовного и мирского проявляется порой причудливо, но вполне закономерно. Вот один примечательный случай из истории Ростовской ярмарки. В 1853 г. в адрес ростовского городничего Чашникова последовало объявление от московской мещанской девицы Марии Александровой: «Проживая в Москве, я одним нечаянным для меня случаем вовлечена была в слабость сообразную женскому полу; по этому самому и зачислена в разряд числа публичных женщин [16]. Ныне желаю исправиться и совсем оставить свои слабости... и снискивать себе пропитание способами неукоризненного мастерства, именно шитьем женских уборов и платей». Девушка просила городничего не зачислять ее по г. Ростову в число публичных женщин и учинить за её поведением наблюдение полиции. По ряду косвенных упоминаний в данном документе можно смело утверждать, что на решение Марии Александровой во многом повлияло общение с настоятельницей и сестрами Рождественского женского монастыря, в каменном доме которого она и нашла приют – для девушки и ее матери была выделена небольшая квартира [17].

Между тем, нельзя забывать, что главным назначением, целью и сутью ярмарки являлась торговля. В Ростов свозилось множество разнообразных товаров, поэтому для здешних храмов и монастырей было и удобно, и выгодно осуществлять закупки именно на ярмарке.

Так, ростовский архиепископ Самуил, который, будучи членом Московской Синодальной конторы, управлял своей епархией из Москвы, регулярно требовал от управителей архиерейского дома ведомости, «что куплено в бывшей ярманке и на какую цену, и сколько собрано денег за отдаточные полатки» [18]. 4 марта 1777 г. в своем письме к эконому иеромонаху Иллариону он писал: «На уведомление ваше февраля от 26 объявляю следующее. Доклад с реестром возвра-

щаю, что купить надобно, мной отмечено». При этом архиерей обоснованно замечал: «Оную попку исправить при окончании ярманки, ибо тогда все дешевле бывает» [19].

О масштабах закупок, производящихся на ярмарке ростовскими монастырями, красноречиво свидетельствует следующий факт. В 60-х гг. XIX в. из казны Ростовского Белогостицкого монастыря ежегодно выделялось 215 руб. для закупки на ярмарке продуктов «в годовой запас» [20].

Как видим, ярмарочная торговля предоставляла прекрасные условия для оптовых закупок. Не случайно ростовские монастыри во время ярмарки впрямь, про запас пудами закупали различные крупы, муку, солод, сахар и прочие продукты питания, имеющие долгий срок хранения. Вместе с тем, в ярмарочные дни значительно расширился ассортимент продукции, предлагаемый покупателям, благодаря чему монастыри имели возможность приобрести сладости и приправы для различных кулинарных изысков. Судя по трапезным расходным книгам Спасо-Яковлевского монастыря, в 1880 г. для обители на ярманке покупали чернослив – французский и русский, изюм, винные ягоды, миндаль, мармелад, варенье, разные сорта уксуса и разнообразные приправы [21].

Несомненными удобствами ярмарочной торговли пользовались и архиереи, и в бытность своего пребывания в Ростове, и после перевода архиерейской кафедры в Ярославль. К примеру, в феврале 1862 г. ярославский архиепископ Нил «для хозяйственных нужд» признал необходимым купить на ярмарке «два бочонка постнаго масла, пудов по 18-ть рыбы, осетрины 10-ть пудов» да «белаго мыла коробок» [22].

Между тем, помимо явных преимуществ и ощутимых выгод для приобретения товаров и осуществления закупок, ярмарка создавала для монастырей определенные неудобства. И сама торговля, и сопутствующие ей увеселения, по сути, были несовместимы с замкнутым и аскетичным укладом монашеской жизни. Осознавая это, архиереи неоднократно издавали указы, запрещающие монашествующим посещать ярмарку. Так, в конце января 1800 г., накануне готовящейся ярмарки архиепископ Павел потребовал от настоятелей монастырей «дабы как сами они во время имеющей быть ярманки от порученных им монастырей без крайней нужды не отлучались, так наипаче монашествующую братию всемерно старались удерживать в монастырях при их должностях, соблюдая порядок и благочиние» [23].

Спустя тридцать лет этот указ подтвердил архиепископ Авраам, внося собственные, весьма существенные дополнения. Во-первых, владыка распространил запрет на посещение ярмарки и на белое духовенство, предписывая, «чтоб как монашествующие, так и из белого духовенства служащие в монастырях отнюдь не выходили на ярмонку», а во-вторых, распорядился «принимать нужные меры к усмирению ослушников». При этом особо отмечалось, что «предписание сие не на один только нынешний год относится, но долженствует соблюдаясь быть и впредь навсегда» [24].

Представители духовного сословия имели право посещать ярмарку, но только для осуществления покупок и при условии получения официального разрешения в Ростовском духовном правлении.

И, тем не менее, духовенство достаточно активно участвовало в ярмарочной торговле через сдачу в аренду помещений и земель под лавки и торговые балаганы. Ростовская ярмарка в этом отношении особенно показательна. Достаточно привести следующий пример. После перевода владычной кафедры в Ярославль в конце XVIII в. бывшая архиерейская резиденция, в основном, использовалась для нужд торговли и, в первую очередь, для нужд ярмарки. Здесь располагались торговые палатки, складировались товары, казенные соль и вино, жилые помещения использовались как ярмарочные гостиницы. В 1817–1820 гг. ежегодные ярмарочные доходы ярославского архиепископа от Ростовского архиерейского дома составляли 5,5 тысяч руб. серебром [25].

Не остались в стороне от борьбы за ярмарочные доходы и служители Успенского собора, который до конца XVIII в. являлся кафедральным, а после перевода епархиального центра из Ростова в Ярославль получил статус городского. «Ярмарочные заработки» соборян складывались из следующих статей:

- 1) сдача торговых помещений – стационарных и временных,
- 2) предоставление квартир для иногородних торговцев,
- 3) увеличение церковных доходов за счет казенных молебнов от торговцев и покупателей,
- 4) ночная охрана товаров в соборной ограде (для соборных сторожей и звонарей).

Разумеется, самый большой доход приносила аренда торговых мест.

Претензии соборян на свое место под «ярмарочным солнцем» стали причиной обострения их отношений с городом, чьи интересы защищала городская дума. Камнем преткновения стали вре-

менные деревянные лавки, которые с 1787 г. строились от ростовской думы вокруг архиерейского дома и соборной ограды совершенно законно: земля под лавками принадлежала городу, и сами лавки сооружались в соответствии с планом расположения ярмарки, утвержденным губернатором [26].

Следует подчеркнуть, что до этого времени ярмарочные торговые места сдавали в аренду архиерейский дом и соборяне [27]. Естественно, посыпались жалобы и прошения протоиерея собора к городским властям, к губернатору и к владыке [28]. Архиепископ Арсений, безусловно, поддержал в этом конфликте соборян, и неоднократно лично обращался к главе губернии и с просьбами, и с требованиями о перераспределении платы за указанные ярмарочные лавки в пользу Успенского собора [29]. В итоге противостояние дошло до суда, однако тяжба вскоре была прекращена полюбовным договором, который соборные власти и городская дума заключили 3 ноября 1798 г. Таким образом, духовные и городские власти поделили торговые места и, соответственно, ярмарочные доходы: от думы лавки строились вокруг архиерейского дома, от собора – вокруг соборной ограды [30].

Но соборяне продолжали отстаивать право на свою долю прибылей от ярмарки. На этот раз речь шла о стационарных каменных лавках. До 1830 г. собор располагал 8-ю такими торговыми местами, которые ежегодно приносили доход до 700 руб. серебром [31].

В 1817 г. протоиерей Успенского собора Гавриил обратился к архиепископу Антонию с просьбой разрешить построить в северной соборной стене, как советуют «лучшие ростовские купцы», палатки, «кои как в ярмарочное время, так и в годовое время разным желающим людям с довольною для церкви выгодою отдаваться будут. Кирпича же, поскольку на сделание означенных палаток в заготовлении не имеется, то не благоволено ли будет имеющиеся на бывшем архиерейском доме при церквях Воскресения, Богословской и Георгиевской... колокольни разобрать, как они праздны и не нужны, разобрать и употребить в помянутую кладку». Владыкой было предписано: «Дозволяется колокольни разобрать и материал из оных употребить на построение каменных лавок, но чтоб лавки сделать прочные, выгодные и без стеснения». При этом он предложил соборянам построить лавки не только в северной, но и в восточной ограде [32]. В итоге с 1830 по 1834 г. при Успенском соборе была построена 21 лавка [33]. Использовались ли для этого колокольни церковью архиерейского дома, ска-

зять трудно [34], но в смете на строительство лавок упоминаются «почти 80 тыс. штук старинных кирпичей и железа» [35]. Естественно, благоустройство торговых мест позволило Успенскому собору увеличить свой доход от сдачи в аренду торговых и жилых помещений, который в 1835 г. составил без малого 1300 руб. [36].

Примечательно, что ярмарка, как одно из значительнейших событий в жизни города, нашла отражение на страницах поздних монастырских хроник – так называемых «Книг для записок о случающихся достопамятностях», которые велись в монастырях в XIX в. Записи лаконичные, выразительные и убедительные. Например: в 1810 г. «зима была теплая, от чего зделалось в реках наводнение, так что многие тавары, следующие на ярманку, остановились за тем в дороге и не успели, а другие привезены подмочены» [37]. В 1815 г. «зима теплая и тихая, дороги повсюду были прекрасные. Ярмарка была многолюдна и таваров много, но цены не ниски». Ну а в 1880 г. «во время ярмарки в Ростове были довольно порядочные метели» [38].

Столь же сильными ветрами и морозами осталась памятна и ярмарка 1860 г. Свирепые снежные бури так описаны в книге «исторических достопамятностей» Успенского собора: 28 февраля «во время ростовской ярмарки вечером в воскресный день настала сильная буря; снежная мятьель ослепляла глаза, не давала видеть ближайших пространств – крайняя опасность для пустившихся из Ростова в окрестные селения по дорогам. ... Буря продолжалась и в следующие дни, понедельник, вторник и среду и заграждала выезд из Ростова по большим дорогам, для имевших нужду поехать в свои места» [39].

Подобные «живые картинки» Ростовской ярмарки начала 20-х годов XIX в. доносят до нас и страницы дневника настоятеля Успенского собора протоиерея Андрея Тихвинского. Вот некоторые выдержки из его записок.

1821 г., февраль

«1, вторник. Отдана одна лавка за 310 руб. ... Отдан Михайле Лаврентьеву Великолепову погреб для вина за 50 руб., в который и накатили бочек с вином. Всего вина в погреб и подвал помещено 25 бочек. Надлежит заплатить звонарям за уборку подвала и погреба и другие труды.

9, среда. Напомнить старосте, чтобы получил на Масляной неделе 115 руб. денег с пяти владельцев (по пяти контрактам), занимавших лавочки подле соборной ограды.

18, пятница. Звонарю Василью не давать денег, получаемых за стережение товаров, сложенных на ограде соборной и палатках за те дни, в

которые он не участвовал с прочими в труде, два дня прошло без него.

21, понедельник. В прихожей отдан один покой с одним окошком московскому 3-й гильдии купцу Арсению Никифорову Рытову с товарищами за 45 руб. на ярмонку, в задаток получено 10 руб.

22, вторник. В прихожей отдан другой покоец с двумя окошками Александру Ефимову Старокопытову за 55 руб., в задаток получено 10 руб. ассигнациями» [40].

1822 г., февраль

«14, вторник. В богадельню [41] мужскую позволено пустить постояльцов, с которых при мне с каждого договорился старик богаделенной взять по 3 руб. ... Сторожа должны спрашиваться, когда будут пущать кого на квартиру. ... Вечером явился прикащик Великолепова, Егор Григорьевич и два московские купца, из коих один торгует шорными товарами, а другой – медом. Пили по рюмке водки и остались ночевать.

15, среда. Уговорены старухи богадельницкие для общей пользы по доброму согласию отдать покои или пустить постояльцев, а в мужской сказано, чтобы ныне же распорядились касательно услуги и пищи для постояльцов в мире, а после ярмонки жаловаться не приходили» [42].

Итак, торг (как средоточие мира) и церковное служение (как призвание духовенства) – понятия во многом взаимоисключающие, в них изначально заложен антагонизм, восходящий к евангельскому изгнанию торгующих из храма. Однако жизнь сложнее и многообразнее догм и условных схем, потому что мирское и духовное, при всей своей противоречивости, не могут существовать друг без друга. Трудно не согласиться с мнением религиозного философа А. А. Мейера, который, говоря о клире и мире, утверждал, что если они союзники, то «не во всем и не всегда», а если враги, то состоящие в отношениях «не исключających взаимных услуг» [43]. И это весьма убедительно доказывает история взаимоотношений епархиального духовенства и знаменитой Ростовской ярмарки.

Список сокращений

ГАЯО – Государственный архив Ярославской области.

ГМЗРК – Государственный музей-заповедник «Ростовский кремль».

РГАДА – Российский Государственный архив древних актов.

РФ ГАЯО – Ростовский филиал Государственного архива Ярославской области.

Примечания

1. РГАДА. Ф. – 280. Оп. – 1. Д. – 1745. Л. – 6–9; РФ ГАЯО. Ф. – 197. Оп. – 2. Д. – 645 а. Л. – 11–11 об.
2. Ярославский край в «Энциклопедическом словаре» Брокгауза и Ефрона [Текст] / ред. А.М. Селиванов. – Ярославль, 1996. – С. 241.
3. ГАЯО. Ф. – 73. Оп. – 1. Д. – 2354. Л. – 1–3.
4. Хранилов И. Ростовский уезд и город Ростов Ярославской губернии [Текст]. – М., 1895. – С. 58.
5. Гурвич Н. А. Ярмарки. Из истории ярмарок вообще и к статистике ярмарок в Уфимской губернии [Текст]. – Уфа, 1884. – С. 1.
6. Лебедев А. П. История Вселенских соборов [Текст]. – СПб., 1904. – Т. 2. – С. 232.
7. ГАЯО. Ф. – 73. Оп. – 1. Д. – 2354. Л. – 7–7 об., 8.
8. ГАЯО. Ф. – 73. Оп. – 1. Д. – 3103. Л. – 27.
9. Попов М. Арсений Мацеевич, митрополит Ростовский и Ярославский [Текст]. – СПб., 1905. С. 116–118.
10. Дмитриев С.В. Воспоминания [Текст]. – Ярославль, 1999. С. 242.
11. ГМЗРК. Р – 881. Л. – 24.
12. РФ ГАЯО. Ф. – 123. Оп. – 1. Д. – 114. Л. – 4 об.
13. ГМЗРК. Р – 455. Л. – 34 об.
14. РФ ГАЯО. Ф. – 123. Оп. – 1. Д. – 63. Л. – 18, 21.
15. ГМЗРК. Ф. – 289. Оп. – 13. Д. – 241. Л. – 9.
16. На большой торговый съезд съезжалось немало представительниц древнейшей профессии из Москвы, Ярославля, Калуги и других городов. Одной из них и была Мария Александрова.
17. РФ ГАЯО. Ф. – 221. Оп. – 1. Д. – 14. Л. – 14.
18. РФ ГАЯО. Ф. – 341. Оп. – 1. Д. – 538. Л. – 64-а.
19. ГМЗРК. Р – 881. Л. – 65.
20. ГАЯО. Ф. – 232. Оп. – 1. Д. – 2469. Л. – 19.
21. ГМЗРК. Ф. – 289. Оп. – 1. Д. – 239. Л. – 5.
22. РФ ГАЯО. Ф. – 126. Оп. – 1. Д. – 110. Л. – 77-77 об.
23. РФ ГАЯО. Ф. – 126. Оп. – 1. Д. – 22. Л. – 350.
24. РФ ГАЯО. Ф. – 124. Оп. – 1. Д. – 6. Л. – 173.
25. ГАЯО. Ф. – 73. Оп. – 1. Д. – 134. Ч. – 5. Л. – 210.
26. РФ ГАЯО. Ф. – 1. Оп. – 1. Д. – 355. Л. – 104-104 об.
27. РФ ГАЯО. Ф. – 123. Оп. – 1. Д. – 146. Л. – 98. ГАЯО. Ф. – 77. Оп. – 1. Д. – 8745. Л. – 31.
28. См. напр. РФ ГАЯО. Ф. – 1. Оп. – 1. Д. – 355. Л. – 2, 105.
29. Там же. Л. – 105-106.
30. РФ ГАЯО. Ф. – 1. Оп. – 1. Д. – 394. Л. – 1–2.
31. РФ ГАЯО. Ф. – 123. Оп. – 1. Д. – 23. Л. – 466.
32. Там же. Л. – 329-329 об., 338.
33. РФ ГАЯО. Ф. – 123. Оп. – 1. Д. – 23. Л. – 610. РФ ГАЯО. Ф. – 123. Оп. – 1. Д. – 27. Л. 39. РФ ГАЯО. Ф. – 123. Оп. – 1. Д. – 31. Л. – 20.
34. Не сохранились колокольни двух кремлевских церквей – Спаса на Сенях и Григория Богослова.
35. РФ ГАЯО. Ф. – 123. Оп. – 1. Д. – 23. Л. – 612.
36. ГМЗРК. Р – 881. Л. – 428 об.
37. ГМЗРК. Р – 455. Л. – 32.
38. РФ ГАЯО. Ф. – 126. Оп. – 1. Д. – 30. Л. – 57 об.
39. Одним из последствий сильных морозов и ветров, сопровождавших ярмарочный торг в 1860 г., был примечательный случай, поразивший жителей города: «На ростовском озере крестьянин с. Сулости, ехавший с двумя девицами – дочерью и соседкою, сбился с дороги, пошел отыскивать ее, но уже не нашел ни дороги, ни детей. На третий день они найдены и отвезены домой замерзшими. Но при посредстве непрерывного вдыхания теплого гортанного воздуха в грудь их и желудок и под влиянием умеренной комнатной теплоты оживлены. Одна из них на краткое время, а другая и доселе живет уже четвертый месяц». РФ ГАЯО. Ф. – 123. Оп. – 1. Д. – 77. Л. – 12 об.-13.
40. ГМЗРК. Р. – 881. Л. – 21, 22 об., Л. – 24.
41. При бывшем архиерейском доме существовали мужская и женская богадельни для «призре-ния» стариков, надзор за которыми поручался кафедральному протоиерею. Во время ярмарки прибывающим в город торговцами и покупателям сдавались и помещения этих богаделен.
42. ГМЗРК. Р. – 881. Л. – 142–143.
43. Мейер А. А. Религия и культура [Текст]. – СПб., 1909. – С. 33.